

которых областях науки и техники, а к таковым относится и Украина, не могут оставлять его в бездействии или использовать не в полном объеме и таким образом подвергать его «физическому» и моральному старению, понижать уровень его гомеостаза. Во-вторых, «поезд» инноваций в XXI веке движется с гораздо большей скоростью, чем в 1980-е годы. Чтобы не отстать от него, следует пользоваться современными средствами передвижения, в том числе энергетическими импульсами в режиме «он-лайн». Импортируемые ИС и их составляющие важны не столько «сами по себе», сколько как ресурсы для создания передовых национальных опережающих, пионерных ИС, хотя бы в отдельных областях науки и техники. Следовательно, НИС должна сочетать ИС, институты и сети догоняющего и опережающего развития, заимствования и созидания. Разумеется, их соотношение не может быть идентичным в различных ИС и должно определяться для каждой ИС специально.

Третье. Динамизм ИС, необходимость их селекции по определенному критерию, своевременного «переключения» обеспечивающих их институтов и мер государственного регулирования требуют формирования современной системы мониторинга инновационных процессов. Ее ядром призвана стать государственная и общественная экспертиза ИС на различных стадиях их жизненного цикла, осуществляемая, прежде всего, силами профессиональных научных коллективов и ученых. Чтобы существенно уменьшить вероятность «субъективизации» ее результатов, целесообразна разработка базовых индикаторов состояния и динамики ИС на основе соответствующих управляющих параметров. Как уже отмечалось, последние могут быть получены в результате изучения и экономико-математического моделирования рассмотренных выше простых и интеграционных комплексов взаимодействий ИС. Не исключено, что указанные предложения могут показаться в чем-то банальными. Но, во-первых, по весьма точному замечанию Ф. Ницше, «дороже всего нам приходится платить за пренебрежение банальностями»; а, во-вторых, реализация указанных предложений предполагает использование не традиционной, а синергетико-сетевой методологии исследований и действий.

Таким образом, создание и регулирование национально значимых инноваций-систем, равно как и НИС, нуждается в фундаментальных научных инновациях. Трудно представить, чтобы они стали возможны без серьезной государственной поддержки, способной отвлечь лучшие научные силы от использования в альтернативных частнопредпринимательских проектах. Ясно одно – без современных инновационных подходов к регулированию и управлению национальным инновационным процессом он не сможет быть конкурентоспособным.

ЦЕПАЕВ С.П., к.ф.н., доцент

Учреждение образования «Брестский государственный технический университет», г. Брест

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО И ФОРМАЛЬНОГО В АНАЛИЗЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Экономическая теория должна решать противоречия между требованиями выявления общих зависимостей и уникальностью человеческого поведения, объяснением фактов и описанием, интерпретацией человеческих действий, ориентированной на объективность анализа и теоретической схематизацией, определяемой системой ценностей исследования. При этом необходимо учитывать, что действия исследователя определяются социальными структурами и институтами, но одновременно сами эти действия производят эти структуры и институты. Анализ деятельности, познавательной в том числе, должен включать анализ структур, зафиксированных нормами и выраженных в институтах. Причем субъект не обязательно знает требования норм и институтов, а тем более связи между ними, поэтому выстраиваются полисубъектные теоретические схемы, конструкты, парадигмы, выражающие различные интересы и нормы. Система ценностей определяет деятельность и ее смысл, а следовательно, и схему теоретической интерпретации этой деятельности, но такая интерпретация предполагает нормативно выраженное согласование интересов, а итогом являются соответствующие изменения содержания деятельности. Поэтому научное знание, его институциональное оформление, его парадигмы есть производное от сложившейся ситуации в обществе и науках о нем.

Процедура последовательного абстрагирования и формализации предполагает отвлечение не только от

конкретного содержания институтов и деятельности, но и от связи их с интересами социальных субъектов, а, следовательно, и связи с оценочными категориями. Система социальных норм, выраженная в форме институтов, в предельно абстрактном, узком ее понимании, используется прежде всего в экономической науке. Несомненно, что она должна характеризоваться непротиворечивостью и полнотой. Нормативно-формализованная система является полной только в отношении конкретно сформулированных оценочных категорий. Другими словами полнота достигается в условиях нормативной равнозначности содержательного и формального анализа системы норм. Решения проблемы нет из-за отсутствия конкретной постановки обсуждаемой проблемы, хотя бы для экономической науки, а проблема логической связи норм и институтов не тождественна проблеме того, что является более фундаментальным – нормы или институты.

Причем формальная теория социальных норм и институтов не обязательно должна быть логически формализованной теорией. Построение формальной теории социальных норм и институтов возможно без непосредственного использования специальных формально-логических систем, т.к. проблема непротиворечивости и полноты может быть решена в пределах содержательной теории социальных норм и институтов. Термины «логическая формализация» и «нормативная (институциональная) формализация» не тождественны. Трудность представляет поиск, корректная формулировка и анализ исходной системы принципов формализуемого фрагмента теории норм и институтов.

Очевидно, что понятие «содержательная теория социальных норм» не является достаточно ясным и простым. Необходимо выяснить, в каком смысле она является формальной, а в каком содержательной. Но содержательность (как и формальность) любой нормативной теории относительна. Любая формальная теория, описывающая некоторую нормативно-институциональную систему может быть как содержательной, так и логически (в той или иной степени) формализованной. С точки зрения требования полноты и корректности, необходимо указать уровни, этапы, смыслы, контексты, отношения и степени формализации теории норм институтов.

Формальная теория норм и институтов является лишь относительно самостоятельной вспомогательной дисциплиной, являющейся аспектом единой теории, в которой содержательная и формальная компоненты слиты воедино, и только при определенных условиях можно выделить и специально изучить ее формальный аспект.

Любое познание невозможно без процедур структурирования, а категоризация и есть, по существу, нормативное структурирование, которое основывается на ценностях, но должно подняться до уровня абстрактных конструктов или схем, в которых фиксируется концептуальность знания (наличие школ, направлений) и институциональное выражение интересов. И то и другое проецируется на экономическую реальность и получает соответствующую интерпретацию. В этом плане интерпретация – это нормативно опосредованные процессы формирования, обоснования, актуализации (включения в другие схемы), интеграции соответствующих теоретических схем, именно таким образом происходит процесс конституирования объекта, т.е. это процесс выбора и актуализация возможного варианта схем в рамках парадигмы. Отбор и актуализация предполагают выбор информации, формирование контекста, определение стратегии исследования и схем обоснования. Интерпретация – основа познания, в ней выражены требования интересов и содержание ценностей. Через интерпретацию можно преодолеть разрыв областей экономического знания, школ, направлений и неоднозначность в использовании терминов.

Особенности институционального развития предполагают, что специфика формирования тех или иных институтов может быть адекватно раскрыта только в контексте всех, и прежде всего правовых, нормативно-институциональных изменений. Теория права, к настоящему времени единолично уже не объяснить происхождение и функционирование правовой системы. Нормы оказываются закрытой статичной системой, а право само по себе без внешнего воздействия не способно перестраивать свое содержание (Алексеев С.С.), поскольку есть продукт сознательного творчества (Корнеев С.Н., Шейндлин В.В., Шебанов А.Ф.). Один из источников экономики права – «старый» институционализм с его ориентацией на междисциплинарный подход и использованием методов экономической теории в анализе социальных проблем.

Институциональная теория формируется как реакция на внеисторизм и механицизм в понимании социально-экономической деятельности, основные идеи которой сформулировал Т.Веблен, для которого институты – это устойчивые привычки мышления, присущие большой группе людей, образцы и нормы поведения. Эти представления заложили основы существующей интерпретации институтов, которые трактуются: как коллективная деятельность, контролирующая индивидуальную, как особый вид социальный структуры, определяющий цели и предпочтения агентов (Дж. Коммонс); как установившиеся формы мышления

(Ч. Кули); как способ мышления или действия, опредмеченный в привычках группы или обычаях народа (У. Гамильтон); как модели поведения членов группы (Ф. Чэпин); как форма ожиданий, детерминирующих поведение человека и социальные отношения (Т. Парсонс); как система особых правил и установок поведения в обществе (Дж. Хертцлер); как совокупность идей, обычаев, инструментов, формирующихся в практике и регулирующих деятельность (К. Панунзио); как групповые цели, материально объективированные (Дж. Фейблман); как совокупность созданных людьми правил и норм, являющихся ограничениями (Д. Норт); как система конститутивных правил, т.е. таких правил, которые не регулируют, а конструируют само поведение (Дж. Серл); как системы устоявшихся и общепринятых социальных правил, которые структурируют социальные взаимодействия (Дж. Найт, Дж. Ходжсон); как предписанные образцы коррелированного поведения (Дж. Ф. Фостер) и т.д. Признается, что институты, рассматриваемые как социальные структуры, формируют исторические причинно-следственные связи, возвышаясь над индивидуальными привычками мысли и действия, и выступают как связующее звено между идеальным и реальным (Дж. Ходжсон). Но индивидуальные формы и структуры должны рассматриваться как производные от взаимодействий людей, при таком подходе вскрываемое категориально-концептуальное общее должно адекватно представить некую особую форму бытия исследуемого объекта. Для этого необходимо интерпретировать институты как концепты связей (Лекторский В.). Институты исследовались в СССР и на постсоветском пространстве, и трактовались, преимущественно, в русле вышеперечисленных подходов (Лейман И.И., Костина Н.Б., Комаров М.С., Яковлев А.М., Глотов М.Б., Нуреев Р., Шастико А., Кирдина С., Кузьминов Я., Радаев В., Ясин Е., Ефимов Е., Тамбовцев В., Сухарев О., Клейнер Г. и др.). Серьезное внимание уделяется исследованию институтов и в Польше (Щепаньский Я., Колодко Г.). Следует отметить, что институты, нормы и правила зачастую отождествляются (Полтерович В., Гребенников В.Г., Седов П.А., Нестеренко А., Ольсевич Ю., Мазарчук В., Кузьминов Я., Бендукидзе К., Юдкевич М.), в некоторых случаях ключевым для определения института оказывается понятие «норма», однако существует мнение, что суть институтов несводима к нормам (Иншаков О.В.), последнее есть атрибут института, но не его социальная сущность, раскрытие которой требует более широкого методологического подхода. Существуют попытки разграничить правила и нормы (Хайек Ф.А., М.Поланьи, Шастико А., Р. Туомела) и, напротив, включить нормы в правила (Дж. Ходжсон).

Существуют многочисленные попытки классификации институтов. В качестве критериев обычно выделяются тип, вид субъектов, сфера принятия решений, время возникновения, устойчивость, степень формализации, механизмы информирования и контроля. В других случаях в структурировании институтов выделяется исходный уровень, включающий нормы, обычаи, правила, нравы, традиции, ритуалы, обряды, т.е. базовые рутины современного общества. При классификации институтов справедливо отмечается, что они не изолированы друг от друга, а тесно переплетаются между собой и в их анализе следует учитывать принцип комплиментарности, а институциональная система включает в себя уровни формальных правил, фиксирующихся в правовых актах и соглашениях, неформальных правил, представленных социальными нормами, а также уровень культурных традиций и ценностей, причем различается как скорость изменения институтов различных уровней, так и инструменты воздействия на них (Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е.). Помимо формальных и неформальных институтов, выделяются также институты саморегулирования, находящиеся на грани между первыми и вторыми (Радыгин А., Энтов Р.). Более подробная классификация институтов учитывает цивилизационные и информационные аспекты исследования, а также сферы их действия, отрасли, уровень развития, масштабы, иерархию, и в итоге выделяются традиционные, нормативные, ценностные, первобытнообщинные, рабовладельческие, феодальные, капиталистические, глобальные, региональные, сословно-кастовые, демократические, развивающиеся, разрушающиеся, мегаинституты, макроинституты, вплоть до микроинститутов (Иншаков О.В.). Справедливости ради, необходимо отметить, что в советской юридической литературе в 50-70-х гг. XX века аналогичный подход применялся при классификации социальных норм, которые подразделялись на обычаи, нормы морали, юридические нормы (Александров Н.Г.); нормы права, нормы морали, обычаи (Курылев С.В., Шебанов А.Ф., Ткаченко Ю.); нормы морали, нормы права, нормы культуры или нравы (Вильнянский С.И.); правовые нормы, нравственные нормы, обычаи и нормы общественных организаций (Алексеев С.С., Недбайло П., Лейст О.Э., Нижечек В.И.). В современной литературе разумеется осуществляется более детальная классификация норм. Наличие таких разночтений в профессиональной терминологии свидетельствует об отсутствии согласованности между категориально-концептуальным содержанием и используемым при этом языком,

принятым в науке. Для того, чтобы преодолеть такой разрыв, необходимо перейти от операций с подпарадигмами (подпарадигмами) знания к уточнению и упорядочиванию языка выражения, однако в силу наличия различных школ, а также институционального оформления тех или иных научных направлений, такой переход не всегда возможен и даже желателен для них.

Неопределенность языка тем больше, чем дальше мы от предельно формализованных научных дисциплин, поэтому в экономической теории (хотя она уже достаточно формализована, в том числе и средствами математики) или праве (где формализация носит содержательный характер) язык достаточно податлив, термины оказываются многозначными, что порождает бесперспективные дискуссии. Задача упорядочивания языка осознается, вырабатываются приоритеты в использовании понятийно-терминологических средств, что осуществляется в целях преодоления ситуаций связывания понятий имеющих различное содержание с одним знаковым конструктом, либо исключения возникающей параллельности знаковых конструктов (т.е. наличия множества понятий с существенно сходным содержанием). Необходимо учитывать, что одна и та же частная теоретическая схема может дать различные эмпирически проверяемые схемы, т.к. взаимодействие ценностей и норм с одной стороны отражает, а с другой опосредует неоднозначный характер соотношения функционального и прикладного аспектов в теории.

Фактические разногласия между парадигмами снимаются на уровне методологии, методологические – на аксиологическом уровне, аксиологические разногласия маловероятны, поскольку всегда могут быть сняты в более широкой системе ценностей, где их противоположность можно свести к различиям. Но вполне возможна конкуренция способов (механизмов) согласования ценностей, за которыми стоят соответствующие интересы, следствием будет либо редукция, либо синтез ценностей. Редукционизм в анализе социально-экономических процессов с неизбежностью приводит к тому, что общественные надиндивидуальные структуры, в том числе и институты, впитывают индивидуальную деятельность людей. При антиредукционистском подходе социум воспроизводится в индивидуальной совместной деятельности, приоритет отдается исследованию процессов связывания людей в их перманентности, обычности. Но в этом случае возникает проблема выведения социальных структур и институтов из контекста полисубъектной реальности. Надиндивидуальные формы и структуры должны рассматриваться как производные от взаимодействий людей, при таком подходе вскрываемое категориально-концептуальное общее должно адекватно представить некую особую форму бытия исследуемого объекта. Для этого необходимо интерпретировать институты как концепты связей. В этом случае институт выступает как самостоятельная инстанция функционирующая в неустойчивом, неформализуемом пространствах связей людей и людей и вещей. Институт задает систему смыслов этих связей, он подобен интенционалу в логике, обладает смыслом, но не сеть денотат или референт. Институт как концепт динамичен, интенционален, многослоен, структурирован, историчен, актуален и т.д., но всегда сопряжен с термином «смысл», но только в деятельности и отношениях, только обращаясь к другому субъекту.

Включение в предмет экономической теории человеческой повседневности (перманентности и обычности) приводит к индивидуальному измерению общественных проблем, но в итоге значительно снижаются требования к методологическим стандартам, появляется возможность их произвольного конструирования. Обращение к анализу повседневности изменяет не только предмет и методы экономической теории, такое обращение означает, что экономическая наука начинает испытывать давление со стороны различных субъектов, они требуют знания, которое включено в их повседневность, учитывает их опыт, адаптировано к формам их деятельности. Проблема в том, что процесс конструирования такого знания определяется как реальной практикой жизни, так и исключительно внутринаучными проблемами (методологическими и институциональными). Однако к настоящему времени отсутствует действенный инструментарий, позволяющий дать абстрактную характеристику повседневности, абстрактную в смысле ее содержательной интерпретации. Сама же экономическая интерпретация предлагаемых моделей и схем ограничена, степень формализации такова, что содержательный аспект исчезает, а, следовательно, исчезает возможность реального воздействия на экономические процессы.